

«Искусство есть радость». Эти слова принадлежат Константину Александровичу Марджановичу (Марджанову) — создателю театра, который носит сейчас его имя. Искусство театра имени Марджановича нельзя назвать, не соотнеся его творчество с теми принципами, которые утверждал на сцене замечательный художник.

Молодая Кутаисская труппа, объединившая в 1928 году учеников и последователей Марджанова, как бы аккумулялировала искания режиссера, продолжавшиеся более четверти века. И по сей день театр его имени несет зрителям радость. Играл ли он высокую классическую драму или поэтический спектакль о современности, задорный водевилль или психологическую пьесу — радость, зримая, волнующая, осязаемая, выплескивается на сцену.

Нынешняя гастрольная афиша марджановцев разнообразна.

Прежде всего поставит автор утят своих содвинчиков Марджанов, отставивший в искусство приоритет большой литературы. И театр с одинаковой самоотдачей ставит «Дон Карлоса» Шиллера, «Уриель Акоста» Гюго — спектакли высокой трагедии — спектакли высокой психологии, психологическую пьесу А. Корнейчука «Память сердца», драматическую поэму из времен Великой Отечественной войны — «Святые в аду» А. Гецалде (режиссер Л. Мирзхулава). Если в пьесе Шиллера мы увидели страсти яркие и открытые, скульптурную лепку мизансцен (режиссер Д. Александрович), то в «Памяти сердца» (то же постановщик) — сдержанная, даже несколько замедленная ритмика, сосредоточенность на душевных движениях героев, взгляд в недавнее прошлое, размышления о будущем... А в какую стремительную атмосферу веселья, юмора, шутки попадаем мы на комедийных спектаклях! Они разные, эти два гастрольных спектакля — «Жевитба» Н. В. Гоголя, поставленная Д. Александровичем, и вечер старых грузинских водевилей (вторые — А. Цагарела, А. Церетели, К. Бахуташивили), талантливо интерпретированных для сцены В. Годзиашвили.

ДАРЯЩИЙ РАДОСТЬ

— МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ —

ученицей режиссера Верико Анджапаридзе и посвящен предстоящему столетию со дня его рождения.

В каждой постановке гастрольного репертуара есть эпизод, мизансцена, где яркая театральность помогает раскрытию гражданской темы спектакля. Вот Дон Карлос (М. Эгудия) стоит в тоске, прижавшись к гигантской кованой решетке, за которую, как герой предполагает, он свергнут коварством друга. А по ту сторону — маркиз Поза (К. Махарадзе), руки которого крепко сжимают железные брусья. Он ликует: даже эта кованая решетка не разрушит дружбы. Только что ценой своей жизни он, Поза, соас принял. Или: гигантский черный крест и тяжелая десь, висющая на нем, а у подножия — распростертая фигура женщины в черном. Это правнцесса Эболи (Е. Кипшидзе) оплакивает свое предательство. В спектакле «Память сердца» как символ размышлений о прошлом в будущем — склоненное в задумчивости чеканное лицо женщины, вернувшейся мыслью в мимувшее, к своей партизанской славе (В. Анджапаридзе). В «Старых водевилях» —

вся в стремительном движении, смешная и трогательная фигура Старого актера (В. Годзиашвили), может быть, последний раз несущего на суд зрителей свое искусство.

И, наконец, удивительная по силе и оченя характерная для почерка театра кульминационная сцена спектакля «Святые в аду». Медестра (Н. Мамаладзе) и ее друг боец (Д. Мониава) возвращаются с задания в свой батальон. С криком ужаса вбегают юноша на сцену — все, что оставалось, погибли. Страшную картину смерти увидела она. Но мертвые не мертвы — такова мысль спектакля. Перед нами — бескрайний простор неба, открытая площадка, лишь вдаль взметнулись в небо обгорелые балки разрушенного войной здания. Юноша и девушка, как часовые, застыли по обеим сторонам сцены. А прямо на нас, зритель, идут бойцы, неся с собой память о прошлых боях. Они идут простые, мужественные, такие, какими мы помним их в спектакле. Идут, чтобы стать легендой... Перед нами театр, где не боится возвышенности чувств. Самые смелые всплески чувств здесь ждутся, как

правило, на тонко разработанной психологической основе. Мы свидетели слияния последовательно развивающихся национальных традиций и того, чем обогатили их русская культура. Годы, проведенные Марджановым на русской сцене и в качестве режиссера, и в качестве исполнителя, постановки в Московском Художественном театре, его работа с актерами, постигшими систему К. С. Станиславского, несомненно, обогатили его. В «Воспоминаниях» режиссера есть такие строки: «Спасибо великой России, она дала мне великое постижение — умение заглянуть в тайники души человеческой».

Можно не все принимать безоговорочно в спектаклях грузинских артистов, но что они не оставляют нас равнодушными, это бесспорно. Иногда слишком патетическими выглядят трагедийные «всплески», слишком напористыми комедийные находки. Вот солдаты ждут приказа выступать (спектакль «Святые в аду»), а пока развлекаются поухаживаниями за молодой медестрой, то пляской. Но не превращается ли этот эпизод в своего рода

вставной номер (к слову сказать, композиционная рыхлость пьесы не преодолевается театром)? Или начальная сцена спектакля «Дон Карлос» стремительно движется по сцене прици испанский, уклоняясь от преследующего его королевского духовника, и застывает, прирав к высокому железному светильнику. Нет ли в пластике молодого испанца нарочитости, а в мизансценах — всеужности многозначности? Или в «Старых водевилях» — не чересчур ли «комикуют» два ревнива преклонного возраста и не слишком ли стараются эту ревность показать? Да и в «Памяти сердца», — скажем, в картине режиссера, где веселится молодежь, — хотелось бы, пожалуй, большей исполнительской сдержанности, корректности, что ли. Коллективное искусство театра складывается не месяцами — десятилетиями. Воспитание единой манеры, творческого ансамбля — задача, требующая в времени, и кропотливой работы. Сидя в зрительном зале, не надо, конечно, забывать, что это грузинский театр со своими неповторимыми традициями, со своим своеобразным обликом.

Уже в конце жизни Марджанов писал: «Я все так же мучительно ишу в искусстве и, кажется, никогда не замкну круга». Ученики Марджанова, ученики его учеников продолжают искания — и трудятся в радостные.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.